

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОТ КРИЗИСА К ГЛОБАЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Научная статья

У.К. Маджиди

Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики
Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана
Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-1998>
E-mail: majidiu@gmail.com

Статья посвящена эволюции международных систем экологического управления и становления парадигмы устойчивого развития во второй половине XX – начале XXI в. Показано, как первоначальные тревоги 1970-х гг., связанные с загрязнением и истощением ресурсов, постепенно трансформировались в признание неразрывной взаимосвязи экологической деградации, экономического развития и социальной справедливости. На основе анализа ключевых этапов – от Стокгольмской конференции 1972 г., обозначившей экологию как предмет международной дипломатии, через доклад Комиссии Брундтланд «Наше общее будущее» (1987), сформулировавший концепт устойчивого развития и принцип межпоколенческой справедливости, до Саммита Земли в Рио-де-Жанейро (1992) и Повестки дня на XXI в. – раскрывается формирование глобального консенсуса в отношении комплексного подхода к развитию. Отдельное внимание уделено политической конфликтности экологического управления: противоречиям между интересами развитых и развивающихся стран, конкуренции приоритетов роста и охраны природы, а также напряженности между национальным суверенитетом и потребностью в глобальной координации. Рассматривается институционализация экологической политики через развитие договорных режимов (включая успешные примеры и случаи ограниченной результативности), усиление роли международных организаций, а также включение в управление негосударственных акторов и местных сообществ. Анализируются современные рамки – зеленая экономика и Цели устойчивого развития, выявляются их ключевые ограничения, связанные с разрывом между международными обязательствами и практической реализацией, пределами рыночных инструментов и воспроизводством глобального неравенства. В заключение обосновывается вывод о необходимости более глубоких институциональных и социально-экономических трансформаций для достижения справедливого и экологически устойчивого будущего.

Ключевые слова: экологическое управление, устойчивое развитие, Стокгольм–1972, Комиссия Брундтланд, Рио де-Жанейро–1992, Повестка дня на XXI в., зеленая экономика, Цели устойчивого развития, экологическая справедливость.

Для цитирования: Маджиди У.К. Эволюция системы управления окружающей средой и устойчивого развития: от кризиса к глобальным действиям // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 169–180.

EVOLUTION OF ENVIRONMENTAL GOVERNANCE AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT SYSTEMS: FROM CRISIS TO GLOBAL ACTION

Research article

U.K. Majidi

Research Institute for Sustainable Development and Green Economy
of International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan

Dushanbe, Republic of Tajikistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-1998>
E-mail: majidiu@gmail.com

*This article examines the evolution of international environmental governance systems and the formation of the sustainable development paradigm from the second half of the twentieth century to the early twenty-first century. It shows how the initial concerns of the 1970s – focused on pollution and resource depletion – gradually evolved into a broad recognition of the inseparable link between environmental degradation, economic development and social justice. Through an analysis of key milestones – from the 1972 Stockholm Conference, which established the environment as a subject of international diplomacy, to the 1987 Brundtland Commission report *Our Common Future*, which articulated the concept of sustainable development and the principle of intergenerational equity and finally to the 1992 Rio de Janeiro Earth Summit and Agenda XXI – the paper traces the emergence of a global consensus in favor of an integrated approach to development. Special attention is given to the political contestation inherent in environmental governance: the contradictions between the interests of developed and developing countries, the competition between the priorities of economic growth and environmental protection and the tension between national sovereignty and the need for global coordination. The article also explores the institutionalization of environmental policy through the development of treaty-based regimes (including both successful cases and instances of limited effectiveness), the expanding role of international organizations and the increasing involvement of non-state actors and local communities in governance processes. Contemporary frameworks – green economy approaches and the Sustainable Development Goals – are assessed and their major limitations are identified, including the gap between international commitments and practical implementation, the constraints of market-based instruments and the continued reproduction of global inequality. The conclusion substantiates the argument that deeper institutional and socio-economic transformations are required to achieve a just and environmentally sustainable future.*

Key words: *environmental governance, sustainable development, Stockholm–1972, Brundtland Commission, Rio de Janeiro–1992, Agenda 21, green economy, Sustainable Development Goals, environmental justice.*

For citation: *Majidi U.K. Evolution of Environmental Governance and Sustainable Development Systems: From Crisis to Global Action. Post-Soviet Studies // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 2. P. 169–180. (In Russ.)*

Введение. Во второй половине XX в. произошла глубокая трансформация в понимании человечеством своих отношений с природой [World Commission..., 1987; Lipschutz, Stabinsky, 2021]. То, что началось как отдельные опасения по поводу загрязнения окружающей среды и истощения ресурсов в промышленно развитых странах, превратилось во всеобщее признание того, что деградация окружающей среды, экономическое развитие и социальная справедливость неразрывно связаны между собой. В статье прослеживается эволюция систем экологического управления и устойчивого развития от первых тревожных сигналов об экологическом кризисе до создания международных механизмов, призванных прими-

нить развитие человечества с ограниченными ресурсами планеты. Путь от Стокгольмской конференции 1972 г. через доклад Брундтланд 1987 г. до Рио-де-Жанейрской конференции 1992 г. представляет собой не просто серию дипломатических событий, а фундаментальный сдвиг в том, как мировое сообщество концептуализирует взаимосвязь между окружающей средой, развитием и выживанием человечества [World Commission..., 1987; United Nations, 1992; Chasek, Downie, Brown, 2022].

Интеллектуальные и политические основы для этой трансформации были заложены пионерами в начале 1970-х гг. Они признали, что современные модели развития являются в корне неустойчивыми. Эти

ранние предупреждения в сочетании с растущими научными доказательствами глобальных экологических угроз создали условия для беспрецедентного международного сотрудничества. Однако путь к эффективному управлению окружающей средой не был ни линейным, ни бесспорным. Он был отмечен напряженностью между экономическими интересами богатых стран и стремлением бедных стран к развитию, между срочностью защиты окружающей среды и осознаваемой необходимостью экономического роста, а также между национальным суверенитетом и требованиями глобального сотрудничества.

Ранний кризис: признание и реакция в 1970-х гг. Экологическое движение 1970-х гг. возникло в результате слияния научных открытий, наблюдаемой экологической деградации и растущей критики индустриальной цивилизации со стороны контркультуры. Публикация «Плана выживания» в 1972 г., одобренного группой выдающихся ученых и академиков, стала одним из первых всеобъемлющих описаний взаимосвязанности экологических проблем [The Ecologist, 1972]. Этот документ выходил за рамки отдельных проблем загрязнения окружающей среды и представлял собой системный анализ того, как промышленный рост, рост населения и истощение ресурсов создавали неустойчивую траекторию развития человеческой цивилизации.

Значение «Плана» заключалось не только в его анализе, но и в явном отказе от представления о том, что экологические проблемы могут быть решены с помощью технологических решений в рамках существующих экономических и социальных структур. Вместо этого в нем утверждалось, что необходимы фундаментальные изменения в моделях потребления, динамике населения и организации самой экономической жизни. Поддержка документа со стороны видных ученых придала достоверность тому, что в противном случае могло бы быть отвергнуто как радикальный экологизм, установив, что забота об окружающей среде – это не просто вопрос эстетических предпочтений или романтической привязанности к природе, а научно обоснованная оценка ограничений планеты.

Этот ранний период характеризовался тем, что можно назвать «экологическим пробуждением» – растущим признанием среди ученых, политиков и граждан того факта, что биофизические системы, поддерживающие человеческую цивилизацию, подвергаются беспрецедентному стрессу. Симптомы были заметны и вызывали тревогу: постоянный смог в крупных городах, загрязненные водоемы, накопление токсичных отходов и ускорение исчезновения некоторых видов живых организмов. Однако реакция оставалась фрагментарной: отдельные страны решали проблемы местного загрязнения с помощью регуляторных мер, в то время как основные причины ухудшения состояния окружающей среды – модели производства и потребления, энергетические системы, основанные на ископаемом топливе, и экономические модели, основанные на непрерывном росте, по-прежнему оставались в основном незыблемыми.

Стокгольмская конференция 1972 г.: создание системы экологического управления. Конференция Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды человека, состоявшаяся в Стокгольме в 1972 г., стала первой серьезной попыткой решить экологические проблемы путем международного сотрудничества [Chasek, Downie, Brown, 2022]. Эта конференция стала переломным моментом в экологической политике, собрав вместе промышленно развитые и развивающиеся страны для обсуждения вопросов охраны окружающей среды как проблемы глобального значения. Стокгольмская конференция установила несколько важных прецедентов, которые определили последующее экологическое управление: признание того, что охрана окружающей среды является законной задачей международной дипломатии, принцип, согласно которому экологические права являются правами человека, и признание того, что экологические проблемы выходят за пределы национальных границ.

Однако Стокгольмская конференция также выявила фундаментальные противоречия, которые сохранялись на протяжении последующих десятилетий экологической дипломатии. Развивающиеся страны, многие из которых недавно обрели независи-

мость и были сосредоточены на экономическом развитии и сокращении бедности, выразили обеспокоенность тем, что экологические нормы могут ограничить их возможности развития. Они утверждали, имея для этого веские основания, что промышленно развитые страны достигли своего богатства благодаря вековой нерегулируемой промышленной экспансии и эксплуатации ресурсов и что несправедливо налагать экологические ограничения на развивающиеся страны, стремящиеся улучшить уровень жизни своего населения.

Это противоречие между охраной окружающей среды и развитием развивающихся стран стало центральной проблемой международного экологического управления. Его нельзя было решить простым компромиссом, поскольку и охрана окружающей среды, и развитие были подлинными императивами. Решение, как постепенно стало ясно, требовало переосмысления самого понятия развития – перехода от модели, основанной на максимальном экономическом росте без учета экологических последствий, к модели, сочетающей экологическую устойчивость со справедливым развитием. Однако для формулирования этого концептуального сдвига потребовались годы, а для его реализации – еще больше времени.

Комиссия Брундтланд и концепция устойчивого развития. К середине 1980-х гг. стало ясно, что фрагментированный подход к решению экологических проблем является неадекватным. Организация Объединенных Наций учредила Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию (ВКОСР) под председательством Гро Харлем Брундтланд с целью разработки комплексной концепции решения взаимосвязанных проблем деградации окружающей среды, бедности и отставания в развитии. Результатом 3-летней интенсивной работы комиссии, в которой участвовали представители развитых и развивающихся стран, ученые, экономисты и политики, стал доклад «Наше общее будущее», опубликованный в 1987 г. [World Commission..., 1987].

Основным вкладом доклада Брундтланд стало формулирование «устойчивого развития» как объединяющей концепции, способной примирить охрану окружающей

среды со стремлением к развитию. Комиссия определила устойчивое развитие как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [World Commission..., 1987]. Эта обманчиво простая формулировка содержала в себе глубокий смысл. Она переосмыслила охрану окружающей среды не как ограничение развития, а как необходимое условие для подлинного долгосрочного развития. Она ввела концепцию межпоколенческой справедливости – идею о том, что нынешние поколения имеют обязательства перед будущими поколениями по сохранению природных систем и ресурсов, от которых зависит выживание всего человечества.

Концепция Брундтланд представляла собой значительное интеллектуальное достижение в нескольких отношениях.

Во-первых, она связывала деградацию окружающей среды с бедностью и неравенством, утверждая, что нисходящая спираль бедности и деградации окружающей среды является растратой как природных ресурсов, так и человеческого потенциала. Эта связь была крайне важна, поскольку она продемонстрировала, что охрана окружающей среды и сокращение бедности не являются конкурирующими целями, а дополняют друг друга.

Во-вторых, в нем признавалось, что пути развития, по которым шли промышленно развитые страны, сами по себе были неустойчивыми и не могли служить образцом для развивающихся стран. Это было радикальным утверждением, поскольку оно ставило под сомнение предположение, что все страны должны стремиться повторить модели потребления и промышленные структуры богатых стран.

В-третьих, в докладе Брундтланд подчеркивалось, что устойчивое развитие требует коренных изменений в отношении, ценностях и институциональных структурах. Это была не просто техническая проблема, которую можно было решить путем улучшения управления окружающей средой или технологических инноваций, хотя и они были важны. Скорее, это требовало того, что Комиссия назвала новой эрой

экономического роста – роста, который является мощным и в то же время социально и экологически устойчивым. Этот рост должен быть достигнут путем преобразования моделей производства и потребления, реформирования международных экономических отношений и новых подходов к управлению ресурсами.

Основные принципы и стратегические задачи. Комиссия Брундтланд определила несколько стратегических задач для достижения устойчивого развития. К ним относятся необходимость возрождения экономического роста в развивающихся странах при обеспечении экологической устойчивости такого роста; императив удовлетворения основных потребностей, особенно бедных слоев населения мира, в области занятости, продовольствия, энергии, воды и санитарии; необходимость обеспечения стабильности численности населения путем решения проблемы роста населения в контексте сокращения бедности и образования женщин; а также требование сохранения и укрепления ресурсной базы, особенно лесов, почв и рыбных ресурсов.

Комиссия также подчеркнула решающее значение международного сотрудничества и реформы международных экономических институтов. Она утверждала, что существующая международная экономическая система с ее акцентом на неограниченную торговлю, программы структурной перестройки, ставящие погашение долга выше развития, и условия торговли, ставящие развивающиеся страны в невыгодное положение, в корне не совместима с устойчивым развитием. Комиссия призвала к реструктуризации международной экономической системы на основе принципов справедливости, сотрудничества и взаимной поддержки, а не конкуренции и доминирования.

Особое значение имел анализ Комиссией взаимосвязи между миром, безопасностью и экологической устойчивостью. Она утверждала, что экологический стресс – будь то в результате нехватки ресурсов, деградации земель или загрязнения – может стать источником конфликтов между странами и внутри обществ. И, наоборот, военные конфликты и содержание крупных во-

енных комплексов отвлекают ресурсы от развития и приводят к разрушению окружающей среды. Таким образом, для достижения устойчивого развития требовались не только защита окружающей среды и экономические реформы, но и урегулирование конфликтов и установление подлинной безопасности, основанной на сотрудничестве, а не на военном сдерживании.

Повестка дня на XXI в. и Рио-де-Жанейрская рамочная программа: реализация принципов устойчивого развития. Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию 1992 г., состоявшаяся в Рио-де-Жанейро, стала самой всеобъемлющей попыткой на сегодняшний день воплотить концепцию устойчивого развития в конкретные международные обязательства и планы действий. Конференция собрала представителей 179 стран, а также тысячи неправительственных организаций, ученых и представителей бизнеса. Основным результатом стала Повестка дня на XXI в. – 300-страничный план действий, затрагивающий практически все аспекты человеческой деятельности, влияющие на окружающую среду [United Nations, 1992].

Повестка дня на XXI в. была примечательна своим масштабом и амбициозностью. В ней рассматривались не только традиционные экологические проблемы, такие как борьба с загрязнением и сохранение ресурсов, но и социальные и экономические аспекты устойчивого развития. Документ был разделен на 4 основных раздела: социальные и экономические аспекты, сохранение и управление ресурсами в целях развития, укрепление роли основных групп и средства осуществления. Эта структура отражала признание того факта, что устойчивое развитие не может быть достигнуто только с помощью экологической политики, это требует комплексных подходов, учитывающих такие вопросы, как бедность, модели потребления, демографическая динамика, здравоохранение, населенные пункты и экономические структуры.

В разделе «Социальные и экономические аспекты» Повестки дня на XXI в. рассматривались такие вопросы, как международное сотрудничество в целях устойчиво-

го развития, борьба с бедностью, изменение моделей потребления, демографическая динамика, укрепление здоровья и устойчивое развитие населенных пунктов. В этих главах прямо признавалось, что экологическая устойчивость не отделима от социальной справедливости и экономического равенства. Например, бедность признавалась не только гуманитарной проблемой, но и фактором, способствующим ухудшению состояния окружающей среды, поскольку бедные люди, не имея альтернатив, часто занимаются нерациональной добычей ресурсов и ведут нерациональный образ жизни. Аналогичным образом, модели потребления в богатых странах были определены как один из основных факторов ухудшения состояния окружающей среды, и в документе содержался призыв к изменению этих моделей как необходимому условию достижения устойчивого развития.

Рамки сохранения и управления. Раздел «Сохранение и управление» Повестки дня на XXI в. был посвящен вопросам защиты атмосферы, земельных ресурсов, лесов, биоразнообразия и ресурсов пресной воды. Каждая из этих областей рассматривалась с учетом того, что сохранение не может быть достигнуто только путем охраны, но требует интеграции с потребностями человеческого развития. Например, в главе, посвященной лесам, рассматривались не только вопросы сохранения лесов, но и устойчивого управления лесами в целях производства древесины, недревесных лесных продуктов и экосистемных услуг. Аналогичным образом, в главе, посвященной земельным ресурсам, рассматривалась интеграция экологических и развивающихся факторов в планирование и управление землепользованием.

Рамки, установленные в Повестке дня на XXI в., в нескольких отношениях представляли собой значительную эволюцию по сравнению с более ранними подходами к охране окружающей среды.

Во-первых, они вышли за рамки чисто регулятивного подхода к охране окружающей среды и интегрировали экологические факторы во все секторы экономической деятельности.

Во-вторых, в них признавалось, что устойчивое развитие требует действий на

многих уровнях – от международных соглашений и национальной политики до инициатив местных сообществ.

В-третьих, она явно включала концепцию общих, но дифференцированных обязанностей, признавая, что хотя все страны несут ответственность за охрану окружающей среды, эти обязанности должны дифференцироваться в зависимости от уровня развития каждой страны и ее исторического вклада в экологические проблемы.

Экологическая политика и появление зеленой идеологии. В то время как международные конференции и соглашения создавали формальные рамки для экологического управления, политические аспекты экологических проблем становились все более очевидными. Охрана окружающей среды была не техническим вопросом, который можно было решить с помощью экспертного управления, а глубоко политическим, связанным с фундаментальным выбором того, как должны быть организованы общество, распределены ресурсы и осуществляться власть. Появление зеленых политических движений в 1980-х и 1990-х гг. отражало это признание.

Зеленая политическая идеология, развившаяся в Европе и впоследствии распространившаяся по всему миру, представляла собой всеобъемлющую критику индустриальной цивилизации и капиталистической экономики [Sharlamanov, 2023]. «Зеленые» утверждали, что экологический кризис не был случайным побочным продуктом в остальном здоровых экономических систем, а являлся необходимым следствием систем, основанных на неограниченном росте, коммерциализации природы и подчинении экологических и социальных проблем погоне за прибылью. С этой точки зрения, решение экологических проблем требовало не просто реформ в области регулирования или технологических инноваций, но и фундаментальных преобразований в экономических системах, отношениях собственности и политических структурах.

Особое значение имели лево-либертарианские аспекты зеленой идеологии. В то время как либертарианство традиционно делало акцент на индивидуальной свободе и минимальном вмешательстве государ-

ства, лево-либертарианство сочетало этот акцент на свободе с критикой капитализма и частной собственности, особенно в отношении природных ресурсов. «Зеленые» лево-либертарианцы утверждали, что природные ресурсы следует рассматривать как общую собственность, принадлежащую всем членам общества или всему человечеству, а не как товары, которые могут находиться в частной собственности и эксплуатироваться. Эта точка зрения обеспечила философскую основу для защиты окружающей среды, выходящую за рамки утилитарных аргументов о сохранении ресурсов или благосостоянии человека, и обосновала защиту окружающей среды принципами справедливости и равенства.

Критика роста и потребления. Центральной темой зеленой политической мысли была критика императива роста в капиталистических экономиках. В то время как основной экологический дискурс, включая концепцию Брундтланд, стремился примирить защиту окружающей среды с продолжающимся экономическим ростом через концепцию «устойчивого развития», «зеленые» критики утверждали, что это было в корне противоречиво. Они утверждали, что в ограниченной планетной системе бесконечный рост невозможен и что попытки достичь его с помощью технологических инноваций и повышения эффективности, в конечном итоге, обречены на провал. Вместо этого они призывали к переходу к стабильной экономике или экономике сокращения роста, в которой приоритетом является удовлетворение потребностей человека и сохранение экологической целостности, а не максимизация экономического производства.

Эта критика распространялась и на модели потребления, особенно в богатых странах. «Зеленые» теоретики утверждали, что высокопотребляющий образ жизни стран Северного полушария не только экологически неустойчив, но и не приносит подлинного благополучия или счастья. Они указывали на данные, свидетельствующие о том, что после превышения определенного порога материального достатка рост потребления не коррелирует с ростом удовлетворенности жизнью или счастья. Вместо

этого они выступали за более простой, менее материалистичный образ жизни и за экономические системы, организованные вокруг удовлетворения подлинных человеческих потребностей, а не искусственного создания потребительских желаний.

Политические последствия этой критики были глубокими. Они предполагали, что для решения экологических проблем требуются не только политические реформы или технологические изменения, но и фундаментальные преобразования в организации общества и образе жизни людей. Это представляло собой серьезный вызов как для основного направления экологического управления, которое стремилось решать экологические проблемы в рамках существующих экономических и политических структур, так и для традиционных левых политических движений, которые часто ставили экономический рост и индустриализацию в качестве предпосылок для социального прогресса.

Глобальная экологическая политика и современные вызовы. Рамки, установленные Стокгольмской конференцией, Комиссией Брундтланд и Повесткой дня на XXI в., послужили основой для разработки многочисленных международных экологических договоров и соглашений, направленных на решение конкретных экологических проблем. К ним относятся Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, Конвенция о биологическом разнообразии, Рамочная конвенция об изменении климата, Конвенция о международной торговле видами, находящимися под угрозой исчезновения, и мн. др. Каждый из этих договоров представлял собой попытку решить конкретные экологические проблемы посредством международного сотрудничества и принятых обязательств.

Развитие этих договорных режимов показало как возможности, так и ограничения международного экологического управления. С одной стороны, Монреальский протокол продемонстрировал, что международное сотрудничество может быть эффективным в решении глобальных экологических проблем. Установив поэтапный отказ от озоноразрушающих веществ и предоставив фи-

нансовую помощь развивающимся странам для перехода на альтернативные источники, Протокол добился почти всеобщего участия и, по оценкам, предотвратил миллионы случаев рака кожи и катаракты у людей. Этот успех продемонстрировал, что достичь международного соглашения по охране окружающей среды можно даже в тех случаях, когда это требует значительных экономических и технологических изменений.

С другой стороны, опыт переговоров по изменению климата продемонстрировал трудности достижения эффективного международного управления в области охраны окружающей среды, когда под угрозой оказываются мощные экономические интересы. Несмотря на десятилетия переговоров и принятие Рамочной конвенции об изменении климата в 1992 г., глобальные выбросы парниковых газов продолжали расти, а международное сообщество с трудом добивалось принятия обязательных мер по сокращению выбросов. Разрыв между обязательствами, принятыми в международных соглашениях, и их фактическим выполнением оставался большим, что отражало напряженность между экологическими императивами и экономическими интересами стран.

Зеленая экономика и Цели устойчивого развития. В начале XXI в. появилась концепция зеленой экономики как попытка совместить охрану окружающей среды с экономическим ростом и развитием. В рамках концепции зеленой экономики, продвигаемой Программой Организации Объединенных Наций по окружающей среде и другими международными организациями, утверждалось, что охрана окружающей среды может быть обеспечена при сохранении экономического роста за счет перехода к экономическим системам, основанным на возобновляемых источниках энергии, устойчивом управлении ресурсами и «зеленых» технологиях [United Nations Environment Programme, 2011]. Это стало продолжением концепции устойчивого развития с уделением большего внимания технологическим решениям и рыночным механизмам.

Подход зеленой экономики включал такие механизмы, как установление цен на

углерод, платежи за экосистемные услуги и «зеленые» облигации, которые были направлены на интернализацию экологических издержек в экономических расчетах и создание рыночных стимулов для охраны окружающей среды. Сторонники утверждали, что эти механизмы могут использовать силу рыночных сил для охраны окружающей среды, в то время как критики заявляли, что они представляют собой расширение коммерциализации природы и не решают фундаментальную проблему роста капиталистических экономик.

Принятие Организацией Объединенных Наций в 2015 г. Целей в области устойчивого развития (ЦУР) представляло собой попытку интегрировать охрану окружающей среды, сокращение бедности и устойчивое развитие в комплексную рамочную программу. 17 ЦУР затрагивали вопросы, начиная от бедности и голода до действий в области климата и устойчивого потребления и производства. ЦУР представляли собой продолжение и расширение рамочной программы «Повестка дня на XXI в.» с уделением большего внимания изменению климата и интеграции экологических и социальных проблем.

Институциональные рамки и структуры управления. Реализация рамок экологического управления требовала развития институциональных структур на международном, национальном и местном уровнях. На международном уровне Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), созданная в 1972 г., играла центральную координирующую роль в экологическом управлении. ЮНЕП отвечала за координацию экологической деятельности в рамках системы ООН, содействие международным переговорам по вопросам окружающей среды и оказание технической помощи развивающимся странам в реализации экологической политики.

Помимо ЮНЕП, в управлении окружающей средой участвовали и многие другие международные организации. Всемирный банк через свою экологическую политику и финансирование проектов развития оказал значительное влияние на экологические результаты в развивающихся стра-

нах. Региональные банки развития, такие как Азиатский банк развития и Межамериканский банк развития, аналогичным образом повлияли на экологические результаты через свои решения о предоставлении кредитов. Международные экологические договоры создали свои собственные секретариаты и руководящие органы для надзора за их реализацией и переговоров о поправках.

Эффективность этих институциональных структур значительно различалась. В некоторых случаях международные организации успешно содействовали сотрудничеству и координировали действия по решению экологических проблем. В других случаях их деятельность сдерживалась ограниченными ресурсами, слабыми механизмами обеспечения соблюдения и конфликтами между государствами-членами, имеющими разные интересы и приоритеты. Напряженность между национальным суверенитетом и требованиями эффективного международного экологического управления оставалась постоянной проблемой.

Реализация на национальном и местном уровнях. Хотя международные соглашения и рамки определили общее направление экологического управления, фактическая реализация происходила в основном на национальном и местном уровнях. Национальные правительства были ответственны за преобразование международных обязательств в национальные политики и нормативные акты. Этот процесс сопровождался значительными трудностями, поскольку правительствам приходилось балансировать между охраной окружающей среды и другими целями, такими как экономический рост, занятость и политическая стабильность. Во многих развивающихся странах ограниченный институциональный потенциал, финансовые ограничения и конкурирующие приоритеты затрудняли реализацию экологической политики.

Местные сообщества и неправительственные организации играли все более важную роль в экологическом управлении. Инициативы по сохранению окружающей среды на уровне сообществ, местный мониторинг и контроль за соблюдением экологических норм, а также экологические дви-

жения на низовом уровне часто оказывались более эффективными, чем правительственные программы, реализуемые по принципу «сверху вниз», в достижении целей охраны окружающей среды. Признание важности участия местного населения привело к включению в рамочные соглашения по экологическому управлению таких принципов, как субсидиарность – идея о том, что решения должны приниматься на максимально возможном местном уровне.

Напряженность и противоречия в экологическом управлении. Взаимосвязь между развитием и окружающей средой. Несмотря на концептуальную основу устойчивого развития, напряженность между охраной окружающей среды и развитием оставалась значительной. Во многих развивающихся странах правительства сталкивались с давлением, требующим уделять приоритетное внимание экономическому росту и сокращению бедности, а не охране окружающей среды. Международные финансовые учреждения часто ставили условием предоставления кредитов принятие политики, уделяющей приоритетное внимание экономическому росту, иногда в ущерб охране окружающей среды. Многонациональные корпорации, стремящиеся минимизировать затраты, часто перемещались в страны с более слабым экологическим регулированием.

Концепция устойчивого развития хоть и была привлекательной с интеллектуальной точки зрения, оказалась трудно реализуемой на практике. Вопрос о том, насколько допустимо ухудшение состояния окружающей среды в целях развития, оставался спорным. Должна ли страна разрешить вырубку лесов для развития сельского хозяйства, если это приведет к сокращению бедности и созданию рабочих мест? Должна ли она разрешить разработку ископаемых видов топлива, если это принесет доход для развития? На эти вопросы не было простых ответов, и различные заинтересованные стороны – правительства, экологические организации, местные сообщества и международные организации – часто имели противоречивые точки зрения.

Все большее использование рыночных механизмов для защиты окружающей сре-

ды, таких как установление цен на углерод, платежи за экосистемные услуги и «зеленые» облигации, отражало предположение, что экологические проблемы можно решить путем расширения рыночных механизмов и прав собственности. Однако критики утверждали, что эти механизмы часто не устраняют основные причины деградации окружающей среды и могут даже усугубить экологические и социальные проблемы.

Например, механизмы ценообразования на углерод могут сократить выбросы в богатых странах, но при этом позволить продолжать или увеличивать выбросы в развивающихся странах, где углеродные квоты можно приобрести по низкой цене. Платежи за экосистемные услуги могут приносить выгоду богатым землевладельцам, но при этом вытеснять бедные сообщества, зависимые от этих экосистем. Коммерциализация природы с помощью этих механизмов может на самом деле ускорить деградацию окружающей среды, поскольку природа рассматривается как товар, который можно купить и продать, а не как нечто, имеющее внутреннюю ценность и заслуживающее защиты.

Сохранение неравенства. Несмотря на десятилетия усилий по управлению окружающей средой, глобальное неравенство оставалось резким, а экологические проблемы продолжали усугубляться во многих регионах. Наиболее бедные страны и наиболее бедные слои населения несли непропорционально большую нагрузку, связанную с ухудшением состояния окружающей среды, в то время как самые богатые страны и отдельные лица извлекали выгоду из потребления ресурсов, добываемых в более бедных регионах. Международная система управления окружающей средой хоть и включала в себя принципы справедливости и общей, но дифференцированной ответственности, с трудом претворяла эти принципы в конкретные действия, которые могли бы уменьшить неравенство.

В ответ на эту реальность возникла концепция экологической справедливости, подчеркивающая неравное распределение экологических опасностей и выгод между расами, классами и географическими ре-

гионами. Сторонники экологической справедливости утверждали, что защита окружающей среды не может быть отделена от социальной справедливости и что подлинное экологическое управление требует устранения структурных неравенств, приводящих к неравному распределению экологических опасностей и выгод.

Закключение. Эволюция экологического управления с начала 1970-х гг. до начала XXI в. отражала растущее признание взаимосвязанности экологических, экономических и социальных проблем. Рамки, установленные в ходе международных конференций и соглашений – от Стокгольма до Рио-де-Жанейро и ЦУР – представляли собой попытки разработать комплексные подходы к решению этих взаимосвязанных проблем. Концепция устойчивого развития, хоть и несовершенная и спорная, предоставила основу для размышлений о том, как можно интегрировать охрану окружающей среды с развитием и сокращением бедности.

Однако продолжающееся ухудшение состояния окружающей среды, сохранение глобального неравенства и неспособность достичь обязательных международных соглашений по основным экологическим вопросам, таким как изменение климата, свидетельствовали о неадекватности существующих рамок управления. Разрыв между обязательствами, принятыми в международных соглашениях, и их фактической реализацией оставался значительным. Основные факторы, приводящие к ухудшению состояния окружающей среды – модели производства и потребления, основанные на непрерывном росте, коммерциализация природы и приоритет прибыли над экологическими и социальными проблемами, – по-прежнему оставались в значительной степени не решенными.

В перспективе задачи, стоящие перед экологическим управлением, являются огромными. Изменение климата, утрата биоразнообразия, закисление океанов и другие экологические проблемы продолжают усугубляться. Пандемия COVID-19 продемонстрировала как уязвимость глобальных систем, так и возможность быстрых масштабных изменений в поведении и политике в условиях неотложных угроз. Остается не-

определенным, сможет ли международное сообщество мобилизовать аналогичные меры реагирования на экологические вызовы.

Ясно одно: постепенные реформы и технологические решения хоть и необходимы, но вряд ли будут достаточными. Решение экологических проблем в необходимом масштабе и с необходимой скоростью потребует коренных преобразований в организации общества, управлении ресурсами и распределении власти. Для этого потребуются не только новые политические меры и технологии, но и новые подходы к отношениям между человечеством и природой, новые формы управления, более демократичные и основанные на широком участии, а также новые экономические системы, в которых приоритетом является удовлетворение потребностей человека и сохранение экологической целостности, а не максимальное увеличение экономического производства.

Разработанные за последние 50 лет рамки экологического управления стали важными шагами на пути к этим преобразованиям. Они закрепили принцип, согласно которому охрана окружающей среды является вопросом глобальной важности, требующим международного сотрудничества. Они сформулировали концепцию, согласно которой развитие должно быть устойчивым и справедливым. Они создали институциональные структуры и механизмы для международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Однако они также выявили ограничения подходов к управлению, которые пытались ре-

шать экологические проблемы в рамках существующих экономических и политических структур.

Следующий этап экологического управления, вероятно, будет сопровождаться более фундаментальным переосмыслением этих структур и более радикальными предложениями по их преобразованию. Остается открытым вопрос, произойдет ли это в результате мирных демократических процессов или в результате кризисных потрясений. Несомненно то, что экологические вызовы, стоящие перед человечеством в XXI в., потребуют беспрецедентных по масштабу и амбициозности ответных мер, основанных на уроках, извлеченных из многолетнего опыта экологического управления, и преодолевающих ограничения существующих систем.

Таким образом, эволюция экологического управления продолжается, определяемая постоянным напряжением между срочностью защиты окружающей среды и сопротивлением укоренившихся интересов, между стремлением к справедливому развитию и сохраняющимся глобальным неравенством, а также между надеждой на то, что человеческая изобретательность и сотрудничество могут решить эти проблемы, и опасением, что существующие институты и системы не способны справиться с этой задачей. Результат остается неопределенным, но ставки – ни больше ни меньше, как пригодность планеты для жизни и возможность справедливого и устойчивого будущего для всего человечества – не могут быть выше.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- A Blueprint for Survival // *The Ecologist*. 1972. № 2 (1). 136 h/
Chasek P.S., Downie D.L., Brown J.W. Global Environmental Politics. 8th ed. Connecticut: Westview Press, 2022.
Lipschutz R.D., Stabinsky D. Environmental Politics for a Changing World: Power, Perspectives and Practice. 2nd ed. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021.
Sharlamanov K. The Left-Libertarianism of the Greens. Kham: Springer Nature, 2023.
United Nations. Agenda 21. United Nations Conference on Environment & Development. Rio de Janeiro, Brazil, 1992.
United Nations Environment Programme. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. Nairobi: UNEP, 2011.
World Commission on Environment and Development. Our Common Future. Oxford: Oxford University Press, 1987.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маджиди Умеджон Кудратулло, доцент, начальник отдела международных отношений и зеленой дипломатии Научно-исследовательского института устойчивого развития и зеленой экономики Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана (Душанбе, Республика Узбекистан).

E-mail: majidiu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Majidi Umedjon Kudratullo, associate professor, head of the Department of International Relations and Green Diplomacy of Research Institute for Sustainable Development and Green Economy of International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajiki-stan).

E-mail: majidiu@gmail.com